

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

ПИТЕР
ДАРМАН

ПАРФЯНИН
ИСПЫТАНИЕ СМЕРТЬЮ



Москва
2016

УДК 821.111-311.6

ББК 84(4Вел)-44

Д20

Peter Darman
THE PARTHIAN

Copyright © 2014 Pete Darman

Разработка серии *А. Саукова*

Иллюстрация на переплете *П. Трофимова*

Дарман, Питер.

Д20 Парфянин. Испытание смертью / Питер Дарман ;
[пер. с англ. И. Данилова]. — Москва : Издательство
«Э», 2016. — 352 с. — (Исторический роман).

ISBN 978-5-699-86186-6

71 год до нашей эры. Римскую империю сотрясает восстание рабов, возглавляемое легендарным Спартаксом. В его войске, громящем римлян в одном сражении за другим, есть место всем: фракийцам, дакам, евреям, галлам, грекам. Его правая рука — парфянский царевич Пакор, непобедимый полководец, с боем пробивающийся на родину. Но победы не могут длиться вечно. Горделивые римляне не смиряются с поражениями, и бойцам Спартака и Пакора уготовано испытание, какого они еще не встречали...

УДК 821.111-311.6
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-86186-6

© Данилов И., перевод на русский язык, 2015
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ГЛАВА 1



Мы были истинно счастливы в то лето, в то чудесное лето, когда разгромили все римские войска и добрались до Северной Италии. Весь мир, казалось, лежал у наших ног, но, наверное, эти ощущения появились, потому что я был влюблен и верил, что невозможное возможно.

Мы продолжали двигаться на север и достигли провинции, именовавшейся Циспаданской Галлией. Это была римская провинция, но населяли ее галлы, народ, к которому принадлежала Галлия. Ими правил римский губернатор, который проживал в городе Мутина¹. Галлы жили по собственным законам и традициям, не являясь римскими гражданами. Они платили дань Риму, но, пока оставались лояльными подданными, Рим предоставлял их самим себе.

¹ М у т и н а — современная Модена. (Здесь и далее прим. перев.)



Спартак очень хотел заполучить их помощь, поэтому собрал военный совет, куда пригласил Галлию. Та отнюдь не робела, сидя за столом в компании командиров войска. Клавдия отсутствовала.

— Через два дня идем дальше на север, — начал заседание Спартак. Снаружи в этот момент началась буря, она трясла стены шатра и раскачивала его опоры. — Идти будем через земли галлов, твоего народа, Галлия. Хотелось бы знать, не смогут ли они чем-то нам помочь.

Губы Галлии тронула слабая улыбка:

— Это побежденный народ. Они тебе ничем не помогут. Было бы глупостью думать иначе.

Нергал, Резус и Бурбиста были поражены ее словами, а вот Акмон посмотрел на Спартака и кивнул.

— Тем не менее, — продолжил Спартак, — мы должны идти через эту провинцию. Если они не станут нам помогать, то будут ли они нам препятствовать?

Галлия недовольно засопела при этом предположении.

— Они — побежденный народ, сломленный. И я сомневаюсь, что они станут воевать с нами, даже если учесть, что моя сотня женщин-воительниц могла бы оказаться неплохой добычей для их воинов. Но они предадут тебя римлянам при малейшей возможности.

Я положил руку на ее ладонь.

— Тем не менее и среди галлов наверняка найдется немало смелых и мужественных воинов.

Она сбросила мою руку.

— Вы тешите себя надеждой, что галлы станут вам помогать. Они же платят дань Риму! И рассчитывают заполучить еще больше доверия с их стороны, если выдадут тебя. Галльские патрули наверняка уже сообщили римлянам о нашем присутствии здесь. — Она вся кипела от гнева.



— Я должен просить тебя еще об одном, Галлия, — Спартак смотрел на нее с мрачным выражением лица. — Бирд сообщил, что нашему войску предстоит идти по землям сенонов, твоего племени. Если твой отец все еще их вождь, может быть, ты поговоришь с ним от нашего имени?

Воцарилось молчание. Галлия смотрела на стол перед собой, положив руки на столешницу. Я заметил, как она сжала кулаки, так что косточки побелели. Потом она медленно встала и посмотрела на Спартака:

— Нет.

Потом повернулась и вышла из шатра.

— Извини, господин, — промямлил я.

Спартак встал:

— За что?! Если бы у меня была тысяча таких, как она, я бы взял Рим. Итак, выступаем через два дня. Это все.

Все мои попытки продолжить обсуждение этого вопроса с Галлией ни к чему не привели. Она не желала говорить о своем отце. Да и с какой стати?! Это ведь он продал ее в рабство!

Войско выступило в путь и двинулось дальше по отличной дороге, именуемой Вия Эмилия, которая, как сообщил Годарз, была построена больше ста лет назад. Как и все прочие римские дороги, что мне встречались, она была прямая, как стрела, и красиво обсажена деревьями с обеих сторон. Дорога эта вела в Мутину, административный центр провинции и город, который нам следовало взять, чтобы достичь Альп и затем вырваться на свободу. Боевой дух в войске был чрезвычайно высокий; марш начался так весело, что скорее напоминал карнавал, пока недовольный Акмон не отдал приказ всем командирам когорт навести порядок. Я выставил вперед и на фланги большие отряды конницы в качестве передового охранения и прикры-



тия, а Буребиста и его драгон шли в составе основного контингента войска, которым командовал Акмон. Он был этим сильно недоволен, поскольку хотел командовать разведывательными подразделениями, уже представляя себе схватки с римскими конниками, а не тащиться рядом с быками и козами. Но я сказал Акмону, что мы с ним, а также с Нергалом будем время от времени меняться местами, отчего он несколько повеселел.

Первые два дня прошли без происшествий, пока мы двигались по долине реки Пад¹, плодородному району, испещренному болотами, трясиными, а также сосновыми и дубовыми лесами. Район кишел дикими животными, по большей части дикими кабанами, которые не обращали на нас никакого внимания, свободно пробираясь сквозь заросли кустарника в поисках желудей. Возле самой дороги римляне устроили поселения и плантации, которые, как сообщил Годарз, населяли ветераны — бывшие легионеры и их семьи. Здесь также было начато возведение дамб и рытье каналов с целью осушения болот и превращения их в сельскохозяйственные угодья. Весьма предприимчивый народ эти римляне! Но все поселения и латифундии оказались покинуты при нашем приближении. Нам встречались лишь пустые дома и поля.

Хотя Галлия ясно дала понять, что не желает иметь ничего общего со своим племенем, я все-таки очень хотел как можно больше разузнать о тех галлах, которые жили в составе Римской империи не в качестве полноправных свободных людей, но и не рабами. Когда войско остановилось на ночлег, я приказал Бирду явиться ко мне в палатку, чтобы поговорить с ним о сенахах. Моя конница разбила несколько небольших лагерей по

¹ П а д — древнее название реки По.



всем окрестностям, но ни один из них не был так укреплен, как главный лагерь.

— Сеноны очень опасны, господин, — высказался Бирд, под неухоженным внешним видом которого скрывался превосходный разведчик. — Они тут повсюду, у них везде имеются глаза и уши.

Я налил ему вина, и мы уселись в кресла перед патлаткой. Вечер был теплый и приятный, дул легкий ветерок, освежая воздух.

— Я же выслал патрули, Бирд. Они не застанут нас врасплох.

Он почесал ногу.

— Эти галлы не такие, как римляне. Они живут здесь сотни лет. И могут передвигаться совершенно незаметно. Вчера вот убили одного из моих разведчиков.

Я встревожился:

— С чего бы это?

Он пожал плечами:

— Не знаю, господин. Мы нашли его привязанным к дереву и с перерезанным горлом. Они его раздели до гола, перед этим ослепив.

— Откуда ты знаешь, что ему сначала выкололи глаза?

Он отпил вина.

— Нет смысла сперва убивать, а потом выкалывать глаза. Никакого удовольствия.

Я содрогнулся. Мысль о сотнях воинов, таких же, как Крикс, которые свободно перемещаются вокруг нас по лесам, не приносила особой радости.

— Тебе известно, где располагается их основной лагерь?

Он прикончил вино.

— Да, господин, но не советую туда идти, разве только ты возьмешь с собой много конных. Впрочем, не знаю... — Он отвернулся и посмотрел на группу всадни-



ков в кольчугах, которые возвращались в лагерь после длительного патрулирования.

— Впрочем, что? — спросил я.

— Принцесса Галлия — дочь вождя Амбиорикса. Она, возможно, могла бы с ним поговорить...

— Вождя Амбиорикса?

— Да, господин. Он владыка земель, через которые мы сейчас идем.



Они пришли той же ночью. Сколько их было, я не знаю, но они убили двух часовых и еще двух воинов, что имели несчастье встретиться им на пути. После чего прорезали дыру в стене палатки и после недолгой, но яростной схватки внутри ушли так же бесшумно, как и пришли. Я стоял в палатке Галлии и смотрел на безжизненное тело молодого галла, лежащего лицом вниз на земле с раной в боку. Диана с покрасневшими от слез глазами сидела на постели, тоже глядя на мертвого галла, как будто ожидая, что он сейчас вернется к жизни и ответит на все наши вопросы. Перепуганная Руби, сгорбившись, сидела в углу с выражением ужаса на лице. Я не верил своим глазам. Ощущение было такое, словно мне в брюхо всадили клинок и медленно его там проворачивают. Диана упала лицом в ладони и снова заплакала. Смотреть на это было свыше моих сил, и я махнул рукой бледной Праксиме, чтобы она увела ее отсюда. Когда ее мягко подняли с постели и провели мимо меня, я положил руку ей на плечо:

— Мы вернем ее, обещаю. — Я убеждал Праксиму или самого себя? Не знаю. В тот момент я понимал лишь, что не успокоюсь, пока не верну ее.



— Я послал патрули во все стороны, принц, — доложил Нергал.

— Никаких следов лошадиных копыт вне лагеря мы не обнаружили, — добавил Резус.

— Видимо, они оставили своих коней в лесу, — сказал я. — И теперь уже убрались далеко отсюда.

Галлия спала вместе с женщинами своей сотни. Раньше они ночевали в главном лагере, до того как мы разгромили римлян в Умбрии, но после наших побед я уже был уверен в их безопасности и разрешил оставаться вместе с остальной конницей. Она не пожелала спать отдельно от них и заявила, что будет делить со мною постель только уже в качестве жены. Я уважал это решение, хотя мне не нравилось, что она где-то там отдельно от меня. Вот я и решил размещать ее сотню в центре лагеря всякий раз, когда мы ставили на ночь палатки. Таким образом, как я полагал, она будет в безопасности. Я ошибался. А теперь женщину, которую я любил, похитили, и я оказался бессилён что-то изменить. Я взмолился Шамашу, прося его сохранить ей жизнь, потому что без нее моя собственная жизнь теряла всякий смысл и смерть на острие римского копья стала бы для меня сущим благословением. Они захватили ее в ранние часы утра, перед тем как взошла заря, когда чувства больше всего притуплены. Она, должно быть, дралась с ними, сопротивлялась, поскольку один из них оказался убит. Я лишь надеялся, что ее сопротивление не обернется против нее самой. Жива ли она?

Спартак и Клавдия прибыли в полдень, и оба пытались меня утешить и успокоить. Им это не удалось. Нергал и Бурбиста вернулись вскоре после этого и доложили, что ничего не нашли. После короткого отдыха и перекуса они снова выехали на свежих лошадях. Галлия, да и все ее женщины, стали весьма популярны среди моих конников, и многие даже считали, что они



приносят нам удачу. Ее полюбили, все любовались ее золотистыми локонами, ее отличной посадкой в седле, ее прекрасным владением луком. Конечно, это совсем нетрудно — очароваться красивой женщиной. Поэтому не оказалось недостатка в добровольцах, вызвавшихся отправиться на ее поиски, но ни один из них не добился успеха.

— Она жива, — убеждал меня Спартак после того, как осмотрел убитого галла. — Если бы они хотели ее убить, она бы лежала здесь вместо него.

— Но зачем они ее выкрали? — Я уже с ума сходил от беспокойства.

Он пожал плечами:

— Видимо, им от нас что-то нужно.

— Но что?!

— Думаю, мы скоро это узнаем, — сказал Резус.

Ответ на этот вопрос мы получили вскоре после полудня, когда в лагерь прибыл одинокий всадник, молодой человек, голый до пояса и весь покрытый синими татуировками. Он сдался стражам у ворот и потребовал, чтобы его отвели ко мне. Его привели, и он предстал перед Спартаком и мной. Ему приставили к спине наконечник копья, но он, кажется, не обратил внимания на эту угрозу. Один из стражей заставил его опуститься на колени. У него была широкая грудь, мускулистые руки и мощные запястья, глаза были голубые, а волосы он зачесал назад, стянув на затылке в косичку. На шее у него висело золотое ожерелье.

— Что тебе нужно? — спросил я.

Он улыбнулся:

— Это ты, кого именуют Пакором? — на латыни он говорил с гортанным акцентом. — Ты должен поехать со мной.

Нергал и Бурбиста зашипели от ярости, но я улыбнулся им и поднял руку:



— Куда и зачем?

— Если хочешь снова увидеть свою женщину, то поедешь со мной, один и без оружия.

— А если не поеду? — Ответ я, впрочем, уже знал.

— Тогда ее убьют.

— А почему бы нам и тебя не убить? — спросил Спартак.

Галл посмотрел на Спартака, потом на меня. Думаю, он не знал, кто этот могучий воин, что стоит рядом со мной, хотя, должно быть, заметил, как властно тот себя держит и говорит. Галл улыбнулся:

— Мой отец не желает никого убивать. Он всего лишь хочет обсудить... кое-какие вопросы.

— Твой отец? — спросил я.

— Да. Вождь Амбиорикс.

Я был поражен.

— Так ты, значит...

— Да, брат Галлии.

— И какие вопросы он хочет обсудить? — спросил Спартак.

— Это знает только мой отец. Но если я не вернусь в течение четырех часов, он решит, что я уже мертв. И тогда...

Ему не нужно было заканчивать эту фразу. Его вывели наружу, а я велел оседлать Рема.

— Не езди туда, принц, — сказал Нергал. — Отдай этого парня мне, и я заставлю его сказать, где находится их лагерь. И тогда мы вызволим госпожу Галлию.

— Спасибо, Нергал, но нет. Это их страна, и они наверняка наблюдают сейчас за нашим лагерем. Если мы убьем этого галла, это будет все равно что убить Галлию собственными руками. У меня нет иного выбора.

— То, что он прислал сюда собственного сына, означает, что он считает важным нечто, что хочет от нас получить, — задумчиво произнес Спартак.



Через несколько минут я уже выехал верхом на Реме из лагеря. Мой проводник скакал рядом. Мы ехали через пастбища, пересекали неглубокие потоки, потом шли по грунтовым дорогам через леса. Он не произнес ни слова, пока мы не добрались до большого селения, которое располагалось у подножия гор на широкой поляне, очищенной от деревьев. Селение было огорожено рвом и земляным валом, поверху которого тянулась деревянная изгородь. Дорога вела через деревянный мост надо рвом и далее сквозь большие ворота, створки которых были утыканы железными шипами. Ворота прикрывали две сторожевые башни, набитые воинами с копьями и щитами. Еще не доехав до ворот, я уловил отвратительную вонь навоза и человеческого пота, а проезжая по селению, заметил свиней и коз в тесных загонах, расположенных прямо рядом с человеческим жильем. Голые детишки копались в грязи, бегали между хижинами, и все вокруг воняло дерьмом — животным и человеческим. Вот, значит, как живут эти галлы!

В центре поселения стояло большое квадратное здание, сложенное из стволов деревьев, с тростниковой крышей. Мы привязали коней к ограде у входа, который охраняли длинноволосые воины, вооруженные копьями, и прошли внутрь. Мне потребовалось некоторое время, чтобы глаза привыкли к полумраку, поскольку единственным источником света здесь были маленькие окошки, расположенные высоко в стене. Крышу подпирали толстые деревянные столбы, на них висели масляные лампы. Мой проводник уверенно прошел вперед к расположенному в дальнем конце зала возвышению, на котором в огромном кресле восседал мужчина, а рядом с ним — слава Шамашу! — сидела целая и невредимая Галлия. Позади него и по бокам от возвышения стояли воины, и я решил, что это и есть вождь Амбио-



рикс. Я остановился в нескольких шагах от него и поклонился, чуть опустив голову, как полагается принцу при встрече с царем. Затем я взглянул на Галлию и улыбнулся. Она выглядела бледной и усталой, но не была связана. Парень, что привел меня сюда, ступил на возвышение и занял место рядом с отцом. Вождь не казался похожим на типичного галла. Волос на лице у него не обнаружилось, да и лицо было худым, почти истощенным. На шее висело золотое ожерелье, на пальцах — золотые кольца и перстни. Но туника и штаны у него были простые, обычные, да и сапоги тоже. На руках я не заметил никаких татуировок, да и сами руки — в отличие от его воинов — были вовсе не толстые и не волосатые, а скорее тонкие и гибкие. Волосы у него были светлые, глаза синие, но в отличие от Галлии выражали хитрость и злобу. Откуда-то из угла появилась юная девушка, неся поднос с серебряными кубками. Остановилась перед вождем, тот взял один кубок и предложил мне взять другой. Я принял его и поднял в честь отца Галлии, который тоже поднял свой кубок и выпил из него. Атмосфера была невыносимо напряженной. Я отпил из кубка — это оказался крепкий мед с привкусом ягод можжевельника и дубовых листьев.

Вождь подал знак одному из воинов, стоявших возле толстенной дубовой колонны, и тот принес мне кресло.

— Садись, — голос вождя Амбиорикса звучал низко и строго.

— Спасибо.

Сев, я обратил внимание, что воин, стоявший позади Галлии, мощный малый с высокими скулами, очень похож на нее — судя по его виду, должно быть, еще один ее брат. Он оказался немного выше сестры и был весь покрыт татуировками.

— Вы захватили то, что принадлежит мне, государь, — сказал я.